

мира. В каждой из этих наук (культурологии, этнографии, социологии, дизайне, искусствоведении и других) необходимы выдвижение и проверка гипотез, объясняющих специфику опредмечивания. Например, в этнографии, помимо осмысления применительно к археологическому материалу теоретических вопросов и понятий этноса, этнического процесса, этнического самосознания, археолога будет интересовать, как происходило опредмечивание при сооружении жилища, как в материальных объектах отражались обряды, как человек объективировал свои сущностные силы в орудиях, оружии, одежде и т. д.

Философские принципы, а также идеи, промежуточные гипотезы, законы будут составлять ядро теории, ее исходные мыслительные конструкции. Рефлексия конкретной теории осуществляется через собственный понятийный аппарат на основе общенаучных методов познания. Происхождение теоретических понятий конкретной науки различно: из эмпирии (археологическая культура), из смежных наук (тип), из наук более высокого обобщения (миграция, традиция). Важно не их происхождение, а содержание, уровень обобщения этого содержания. Содержание теоретических терминов фиксирует знание об отдельных сторонах (элементах, связях, свойствах) объекта на уровне повторяющегося, внутреннего, существенного, необходимого. Характеристика «повторяющегося» может быть установлена на эмпирическом уровне. Существенное, необходимое в повторяющемся устанавливается через выявление внутреннего механизма функционирования и развития объекта, через взаимосвязь с другими понятиями в единой теоретической модели объекта. При этом общие исходные принципы, идеи, гипотезы выступают как основа построения взаимосвязи понятий, выявления их субординации и координации.

Ю. В. ГРИЧАН, А. Л. СИМАНОВ

Некоторые методологические аспекты археологического исследования

Для современной археологии характерно обращение к методологии. Накопление эмпирических фактов, имеющих зачастую локальный характер, привело к информационному перенасыщению. Возникла проблема их обработки на теоретическом уровне. Здесь появился ряд методологических проблем, от которых ранее отмахивались. Ныне необходимо совершенно отчетливо представить сложившуюся ситуацию и разрешить затруднения, чтобы не повторять ошибок эмпирического этапа.

Выявление закономерностей формирования и взаимодейст-

вия культур, реконструкция исторического процесса в древности и средневековье на основе гигантского эмпирического материала также вызвали ряд фундаментальных методологических проблем. Среди них проблема предмета и объекта археологии, ее места в системе наук об обществе. Необходим анализ методов и системы понятий, ибо только так можно выявить структуру археологии, направление ее развития. Возникла необходимость придания археологии вида строгой науки с системой понятий, законов, правил вывода следствий из общих посылок, в конечном итоге вида гипотетико-дедуктивной науки.

В скором времени мы можем стать свидетелями ситуации, аналогичной в чем-то спору «физиков и лириков», а точнее, практиков (полевиков)[•] и теоретиков («кабинетных», архивных исследователей). Спор может быть плодотворен при условии взаимопонимания, исходящего из общей задачи придать археологии облик строгой, точной науки.

Если ранее многое казалось бесспорным, то сейчас требуются иные критерии, выработка непротиворечивых теоретических концепций. Не придавать этому значения — значит отказаться от попыток найти общий язык не только среди археологов, но и среди археологов и представителей естественных наук, методы которых внедряются в археологическое исследование. Мы должны правильно оценить неизбежность консолидации определенных сторон естественных и общественных наук в рамках археологии, относясь при этом с полным уважением к накопленному опыту, к материалу, составляющему золотой фонд археологии, ее эмпирический и теоретический базис.

Все перечисленное выше нельзя рассматривать изолированно от общей задачи, конечной цели археологии, которые могут быть реализованы, на наш взгляд, только в реконструкции и интерпретации антропо- и социогенеза. Мы намеренно изменили существующую формулировку, в которой задача археологии связывается с реконструкцией исторического развития общества по вещественным источникам. Насколько существенно изменение акцента последующего рассуждения, видно хотя бы из того, как мы понимаем традиционный путь решения этой задачи, содержащий четыре последовательно сменяющихся, но тесно взаимосвязанных и взаимозависимых друг от друга этапа: поиск археологических памятников, раскопки, лабораторные исследования, построение теоретических концепций.

Первые три этапа можно определить как эмпирическую стадию исследования. Четвертый этап — построение теорий — неизбежно порывает с узкой спецификой собственно археологического исследования, ибо мы оказываемся свидетелями того, как реконструкционно-интерпретационный уровень не просто сводит эмпирическое знание в нечто цельное, законченное, лишенное противоречивости уже в силу количественного накопления материала. Мы убеждаемся, что, кроме критериев красоты и макси-

мального включения эмпирического материала и прочего, большое значение (а зачастую и определяющее) имеет логический критерий истинности теории, сложившийся и успешно работающий в других науках. Но для действенного использования этого критерия в анализе археологической теории необходимы уже не оригинальные идеи, не максимальное включение эмпирического материала и т. д., а хорошо развитый понятийный аппарат, унифицированный язык, построенный на основе системы достаточно строго определенных понятий и правил пользования ими, правил вывода: В этом случае появляется возможность аксиоматического построения основ археологической науки, очистки ее языка от «загрязняющих» терминов. Такое построение языка необходимо и для эмпирического уровня. Последнее тем более важно, что в эмпирическую стадию все более внедряются экспериментальные методы.

Действительно, интуитивный, в лучшем случае полуинтуитивный подход к эмпирическим исследованиям приводит к множественности толкований одних и тех же данных. Критерии выбора наиболее непротиворечивой концепции не выработаны, поэтому нередки случаи произвольного отношения к археологическим фактам. На наш взгляд, объективные критерии отбора фактов необходимо разрабатывать именно на пути решения проблемы языка. Задача эта имеет два аспекта: построение «языка вещей» (объектов материальной культуры), т. е. эмпирического языка, и создание собственно теоретического языка — системы категорий и фундаментальных понятий с правилами вывода.

Разработку эмпирического языка можно осуществить построением матриц определяющих характеристик артефактов. Характеристики получают на основе математико-статистических методов, так как измеряемые величины в силу своеобразной индивидуальности артефактов имеют существенную дисперсию. Синтаксис эмпирического языка должен быть математическим с элементами логики. Подобная формализация языка на первой стадии археологического исследования внесет в анализ артефактов однозначность, что снизит количество версий и толкований, объем описания «вещей», необходимый для построения теоретических концепций.

Значительно сложнее создать теоретический язык и его грамматику, осмысливающие явления категориального порядка. Причины сложности кроются в привлечении различных языков общественных и естественных наук. Преодоление «языкового барьера» возможно лишь при построении гипотетико-дедуктивной археологии в отличие от современной гипотетико-индуктивной регионально-хронологической. Гипотетико-дедуктивная археология должна воссоздавать на реконструктивном и интерпретационном уровнях исследования этапы возникновения и развития человека и общества, причины, условия и направления этого

развития в виде относительно замкнутой системы. Фундаментом подобной системы и методологическим обоснованием значимости вводимых категорий должен быть исторический материализм.

Итак, 1) методологический анализ археологического исследования позволяет упорядочить методику разработки теоретических концепций в археологии, сделать их более точными и однозначными; 2) создание гипотетико-дедуктивной археологии обусловлено необходимостью в придании ей логически обоснованного облика точной науки, снабженной методами естественных, математических и общественных наук.

В. А. БОРЗУНОВ, В. Е. СТОЯНОВ

Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ)

Накопление материалов и представлений по раннему железному веку Урала происходит крайне неравномерно, однако именно этим пока определяется в основном последующее изучение и развитие наших знаний. Последние отражаются, за незначительным исключением, в темах, ограниченных традиционными хронологическими и географическими рамками: выделение, описание, пересмотр археологических культур, их подразделений и сочетаний, рассуждения о происхождении и этнической принадлежности на основе, как правило, не очень строгого и последовательного применения формально-типологического метода и его атрибутов. При этом конструируемые схемы крайне редко и чаще всего не очень отчетливо оцениваются относительно действительного процесса. Изучение гамаюнской культуры и городищ не самый яркий, но достаточно отчетливый пример этого.

Ограниченность данных исключала классификацию гамаюнских городищ. Впервые ее коснулись при анализе урало-сибирских поселений, используя в нем 8 из 22 ныне известных гамаюнских¹. Накопление материала, необходимость его упорядочения сообразно внутренней связи определили новые поиски. До их изложения рассмотрим основания и развитие классификаций.

¹ *Стоянов В. Е.* Изучение раннего железного века лесостепного Зауралья в советское время.— В сб.: Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967, вып. 1, с. 36—43. Ныне 16 представлены раскопками и 6 разведками.